

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ. ПРОБЛЕМЫ ПРЕПОДАВАНИЯ

УДК 821.161.1.0

КОНЦЕПТЫ *СУДЬБА* И *ПУТЬ* В ПОЭЗИИ В. С. ВЫСОЦКОГО

Н. В. Волкова

Тверской государственной университет
кафедра филологических основ издательского дела и литературного
творчества

В статье рассматриваются судьба и путь как два основных концепта поэтической философии Высоцкого.

Ключевые слова: *концепт, концептосфера, поэтическая философия.*

Входить в содержательность художественного текста можно, отталкиваясь от любой точки или фасеты поэтического лексикона, даже от отдельного слова, но чаще – рассматривая закономерности функционирования определенного класса слов. Концепты *судьба* и *путь* хорошо просматриваются сквозь призму употребления личных местоимений (прономинальных именовании лиц), на которых центрируются антропонимические поля, включающие, наряду с местоимениями, собственные и нарицательные антропонимы.

Концепты *судьба* и *путь* в поэзии В. С. Высоцкого реализуются как целостный трагический мотив – трагический потому, что поэт на своем пути одинок, а свобода выбора призрачна. Одиночество обусловлено тем, что жертва свободы ради исполнения Божьего промысла, ради Свободы надмирной – плод только личного выбора, разделить его тяжесть с кем бы то ни было невозможно. Свобода призрачна потому, что выбор предрешен принятием призванности. Ситуация развивается в двух основных мотивах: 1) одиночество, надмирная отчужденность в поиске «своей колеи», ибо к спасению ведет только своя дорога; 2) «нетерпение сердца», потребность ускорить течение событий.

В текстах, связанных с этим мотивом, прономинальная доминанта «я» обретает контекстуальный смысл ‘Я в поиске **своего** пути и **своей** судьбы’ – в противопоставленности тем «другим», кто **своей** дороги не видит, не знает, не ищет. Фундаментальная прономинально акцентированная оппозиция «Я – другие» выступает как одна из реализаций концепции двоемирия – в ее религиозно-антропологической и социально-психологической проекциях: «Мне судьба – до последней черты, до креста, // Спорить – до хрипоты, а за ней – немота, // Убеждать и доказывать с пеной у рта, // Что – не то это все, не тот и не та!» («Мне судьба...», 1978 [1, т. 4, с. 93]).

Дательный субъекта *мне* связан с идеей овладения, охвата – *судьбой*, с предопределенностью цели и пути – жертвенного, *крестного*, смертного, «до последней черты», до *немоты*.

Что «доказывать», в чём «убеждать» предназначено? В том, что бытие не сводится к непосредственной видимости и возможности, что «не то это вовсе». Тютчевское пантеистическое «не то, что мните вы, природа...» преобразуется в печалование о чаемом обожении, которое доступно всем, но сознается – только исповедальным героем: «Только чашу испить – не успеть на бегу, // Даже если разлить – все равно не смогу. <...> Что же с чашею делать – разбить? Не могу! // Потерплю – и достойного подстерегу, // Передам – и не надо держаться в кругу, // И в кромешную тьму, и в неясную згу, // Другу передоверивши чашу, сбегу. <...> ...Если все-таки чашу испить мне судьба, // Если музыка с песней не слишком груба, // Если вдруг докажу, даже с пеной у рта, – // Я уйду и скажу, что не все суета!» [1, т. 4, с. 93, 268].

Экклезиаст сетовал: «Суета сует <...>, – все суета! <...> Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем» (Эккл. I, 1, 9). Православное восприятие мира иное; у Высоцкого возражение ветхозаветному пророку строится на возможности личного преобразования – в порядке следования глаголов будущего времени: *уйду* и *скажу*. Из посмертного «рядом» вы меня услышите – так можно интерпретировать финал этого поэтического шедевра.

Герой баллады «Чужая колея» (1973) [1, т. 2, с. 368–370] «попал в чужую колею глубокую», а в ней – народу тьма, и давка, и каждый, углубляя колею, делает заезженный путь все безысходнее для всех. Удастся вырваться, лишь увидев свой – и только свой – путь. В завершение – пожелание: «Эй, вы! Задние! Делай как я. // Это значит – не надо за мной. // Колея эта – только моя! // Выбирайтесь своей колеей!» (здесь и далее выделено мной – **Н. В.**).

Вырывается герой из замкнутого круга – в полилоге, где лирический герой общается не с одним – с разными «ты». Многообразие «общений» хорошо прослеживается через систему именованных «других» – условный контекстуальный антропонимикон. Считаю самого лирического героя, таких персонажей пять (из них три – это разнородные «колеи», *пути*, избираемые персонажами).

«Я» лирического героя находит себя в оппозиции «другим» через обретение своего – и только своего! – пути. Ключ к вратам *судьбы*, найденный героем, щедро предлагается всем: «...делай, как я!». Однако прежде чем воспользоваться этим советом, любому «другому» полезно вдуматься в смысл слова *как*: делай, **как** я. А если «как», а не «вслед», то «это значит – не надо за мной». Каждый со своей *судьбой*, как перед распятием – наедине, и спастись можно только на непроторенных тропах индивидуально-неповторимой жизни, а гибель там, где люди, превращаясь в толпу, теряют себя – на пути «широком», «коммунальном».

Анализ прономинального словоупотребления позволяет также ответить, оставил ли Высоцкий итоговую «поэтическую декларацию», «посмертное напутствие» тем, кто дерзнет последовать его примеру, нечто родственное державинскому или пушкинскому «Памятнику».

Оставил. Это стихотворение «Я спокоен: Он мне все поведал» (1979) [1, т. 4, с. 153]. Смысл прономинальных словоупотреблений в этом исповедальном тексте – диалог с Богом. Смысл диалога (и ядро поэтической философии Высоцкого) в том, что бытие не трагедийно. Поэт не одинок. Ибо есть «я» и «Он». Я и Бог. Всё остальное – о реализации нисходящего свыше повеления: «Не таись». Вернее, о тех «других», кто препятствует его реализации. И не поэт, а «другие» оказываются в конфликте с *судьбой*; не себе, а им адресует поэт предупреждающее: «Судьбу не обойти на вираже...»: «Я спокоен: Он мне все поведал. // «Не таись!» – велел. И я скажу. // Кто меня обидел или предал, // Покарает Тот, кому служу. // Не знаю, как: ножом ли под ребро, // Или сторит их дом и все добро, // Или сместят, сомнут, лишат свободы... // Когда? Опять не знаю, – через годы // Или теперь. А может быть – уже...» [1, т. 4, с. 153].

Думается, не стоит навязывать этому тексту актуализации таких вещей, как карма или воздаяние. Зададимся вопросом о смысле прономинальных словоупотреблений (выделены курсивом).

Я и он. Иначе: «я» и Бог. Всё остальное – о реализации нисходящего императива. О тех, кто препятствовал Пути поэта. Стихотворение оказывается в логике школьного грамматического разбора.

Как? Неважно: ножом... под ребро...

Когда?.. опять не знаю, – через годы...

Дальше – «фигура конфликта». Треугольник. Не сакраментальный любовный, иной напряженности: *Я – Вы – Судьба* (нельзя не написать каждое слово с прописной буквы): «Судьбу не обойти на вираже // И на кривой на *вашей* не объехать, // Напропалую тоже не протечь» [1, т. 4, с. 153]. Все очевидно без комментариев, кроме одного: природы спокойствия героя: «Спокоен я...». Даже Пушкиным лишь искомый покой, обретенный только в дуэли и смерти, – здесь просто констатируется: «А я? Я – что! Спокоен я, по мне – хоть // Побей *вас* камни, град или картечь».

Спокоен – по отношению к врагам. Одна из сторон треугольника: «я» – «они» – «Бог». Я и Бог – мы вместе. Обидеть или предать меня – значит предать Его. Все, что делаю я, делается Его именем. Неужто мне жалеть «их» («вас») – обижающих и предающих? Зачем? С какой стати? «Спокоен я... » Зло в свою жизнь «они» вносят сами: обижать Поэта – значит восставать против Бога, вызывать на себя гнев *судьбы*.

Ясна и другая сторона: эти *вы* или *кто* – и *судьба*. Их судьба, что «на кривой на *вашей* не объехать». Неясна сторона третья: исповедальный герой и *его судьба*. Если принять предположение, что *судьба* ассоциирована с Богом, тогда смерть Высоцкого, наверное, была неизбежна: можно ли жить с таким уровнем самоощущения?

Для исповедального героя Высоцкого его дело – «святое ремесло», служение: молитва, или смертный бой, или Голгофа публичного творчества: «Я весь в свету, доступен всем глазам, // Я приступил к привычной процедуре – // Я к микрофону встал как к образам... // Нет-нет, сегодня точно – к амбразуре» («Певец у микрофона», 1971 [1, т. 2, с. 265]). Та же тема, что и в «гамлетовском» стихотворении Пастернака: «Гул затих. Я вышел на подмости».

Таким образом, пафос *судьбы* как главной исповедальной темы Высоцкого – в приятии неизбежности Пути: с одной стороны, к людям, с другой – к своему внутреннему духовному человеку и к Богу. Этот пафос обуславливается принадлежностью Высоцкого к магистральному пути развития русской литературы – пути к духовному реализму.

На протяжении последних столетий, «выйдя из храма, литература искала пути в храм» [5, с. 5], осознанно или неосознанно искали возвращения к Богу ее творцы и ее герои. Поэзия Высоцкого не исключение. Это своеобразная «лирическая эпопея» – именно *эпопея*, в отличие от «романов» А. Блока, Н. Рубцова или А. Галича, своеобразное «хождение по душам и судьбам» – в отличие от лесковского Флягина, который странничал по собственной душе и судьбе, не в силах отдался материнскому обету – как «сын обещанный», который был «богу обещан». Принципиальная незавершенность (даже незавершаемость) духовного странничества в случае Флягина подчеркнута и тем, что неясно, то ли он на момент своего рассказа монах, то ли послушник, и тем, что собирается оставить обитель. Сходная логика у судьбы Есенина, оставившего родной край, где «В сердце почивают тишина и мощи» [4, т. 1, с. 77], где «Хаты – в ризах образа...» [4, т. 1, с. 116], чтобы в год смерти горько сожалеть: «В этом мире я только прохожий...» [4, т. 3, с. 186].

Иной путь у Высоцкого, сознающего долг перед «Тем, кому служу» («Я спокоен – Он мне все поведал», 1979). Если герой Есенина оставляет храм, чтобы никогда уже не вернуться, то герой Высоцкого – пусть в завершение жизни – в храм приходит. «Мне меньше полувека – сорок с лишним, – // Я жив, тобой и Господом храним. // Мне есть что спеть, представ перед Всевышним, // Мне будет чем ответить перед Ним» («И снизу лед, и сверху – маюсь между...», 1980 [1, т. 4, с. 176]).

Подчеркнуто светский характер русской литературы последних двух столетий сделал привычной ее оценку как по преимуществу атеистической. Но могут ли служить доказательством атеизма строки, явно продиктованные поэтическим озорством? Как, например, в пушкинской «Гавриилиаде» или есенинской «Инонии»? Или у Высоцкого в «Охоте на кабанов» (1970): «Грязь сегодня еще непролазней, // Сверху мразь, словно бог без штанов...» [1, т. 2, с. 170]. Несравненно показательнее такого озорства иные – чеканно-исповедальные – строки Высоцкого от лица всего поколения: «А мы живем в мертвящей пустоте – // Попробуй надави, так брызнет гноем... // И страх мертвящий заглушаем воем – // И вечно первые, и люди, что в хвосте. // И обязательное жертвоприношение, // Отцами нашими воспетое не раз, / Печать поставило на наше поколенье, // Лишило разума, и памяти, и глаз» (1979) [1, т. 4, с. 142]).

Здесь и смиренная исповедь, и покаянный гнев – на собственный обессиливающий страх. Именно атмосфера «мертвящей пустоты» безвременья обусловила такие строки в «Моей цыганской» (1967): «В церкви – смрад и полумрак, // Дьяки курят ладан... // Нет! И в церкви все не так, // Все не так, как надо! <...> Я – по полю вдоль реки: // Света – тьма. Нет Бога! <...> И ни церковь, ни кабак – // Ничего не свято! // Нет, ребята! Все не так, // Все не так, ребята!» [1, т. 1, с. 265–266].

Да, в «мертвящей пустоте», в царстве «нищих и шутов» – «всё не так», «всё обман, всё мечта, всё не то, чем кажется <...> Он лжет во всякое время, этот Невский проспект...» – за полтора столетия до Высоцкого восклицал Гоголь [3, с. 43–44]. Но преодолел Гоголь под конец жизни «страхи и ужасы России»: «Не бежать на корабле из земли своей, спасая свое презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства» [2, с. 188]. Напутствовал он в последние дни: «Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом...» [2, с. 443]. На этом же пути, вслед за великими своими предшественниками, завершил свою земную жизнь и Владимир Высоцкий.

Светский путь обожения, по которому шел Высоцкий, дуалистичен. Во-первых, его основные векторы – *другие*, а на заключительном этапе творчества – свое глубинное внутреннее «я» и Бог; при этом художественно осваиваемый способ взаимодействия и с *другими*, и с *внутренним человеком*, и с Богом в психологической сути один – *безусловное принятие* в свою субъективность (или, в иной проекции – рефлексирующее открытие в своей личной и творческой индивидуальности первоначально *других*, а затем – самого себя и Бога). Во-вторых, это путь преодоления антропологической границы между духовной практикой религиозного восхождения к сверхсознательному и психоаналитического нисхождения к бессознательному как в собственное лирическое «я», так и в «я» ролевых персонажей.

Таким образом, итоговое проявление пути Высоцкого к духовному реализму – слиянность исповедального и ролевых «я». Намечалось оно еще в шестидесятые: «Наши мертвые нас не оставят в беде, // Наши павшие – как часовые. // Отражается небо в лесу, как в воде, // И деревья стоят голубые. // Нам и места в землянке хватало вполне, // Нам и время текло – для обоих... // Все теперь – одному, только кажется мне – // Это я не вернулся из боя» («Он не вернулся из боя», 1969 [1, т. 2, с. 108]). *Он* – это *я*: мотив идентификации авторского «я» с героем военных лет.

А вот строки большей обобщающей силы – из песни для кинофильма «Зеленый фургон» (1980): «Проскачу в канун Великого поста // Не по вражескому – ангельскому – стану, // Пред очами удивленного Христа // Предстану» [1, т. 4, с. 157]. О ком они? От чьего «я» звучат? Не от лица ли каждого из нас, ибо каждый живет не в одном-единственном, но в разных облициях, выбор которых – в *ли ... или* судьбы: «В кровь *ли* губы окуну // Или вдруг шагну к окну, // Из окна в асфальт нырну – // Ангел крылья сложит, // Пожалее на лету – // Прыг со мною в темноту, // Клумбу мягкую в цвету // Под меня подложит...» [1, т. 4, с. 158].

Все равны пред Господом. И в малом, индивидуально-личном пути Высоцкого к духовному реализму, как и в большом мире Господнем, хватило места для самых разных русских людей. Путь поэта Высоцкого, как возвращение – через одиночество и отчуждение – к соборному восприятию человеческого космоса, – это путь христианского творческого самоотречения. «Мы успели – в гости к Богу не бывает опозданий. // Что ж там ангелы поют такими злыми голосами? // Или это колокольчик весь зашелся от рыданий, // Или я кричу коням, чтоб не несли так быстро сани?» («Кони привередливые»,

1972 [1, т. 2, с. 308]). *Мы* в этом четверостишии – не только «мы» исповедального героя Высоцкого и «коней» его судьбы. Это «мы» всех нас, давших голос Поэту: «в гости к Богу не бывает опозданий» для каждого из живущих.

Таким образом, путь Высоцкого к духовному реализму – не только продолжение пути классической русской литературы последних столетий, но и предвозвестие того «возвращения в Храм», на пути к которому ныне находится весь наш народ.

Список литературы

1. Высоцкий, В. С. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. / В. С. Высоцкий. – Тула : Тулица, 1993–1998. – Т. 1 : Песни и стихи 1969–1967 гг. – 1993. – 402 с.; Т. 2 : Песни и стихи 1968–1972 гг. – 1994. – 544 с.; Т. 4 : Песни и стихи 1976–1980 гг. – 1997. – 308 с.
2. Гоголь, Н. В. Духовная проза [Текст] / Н. В. Гоголь. – М. : Русская книга, 1992. – 560 с.
3. Гоголь, Н. В. Петербургские повести [Текст] / Н. В. Гоголь. – М. : Сов. Россия, 1978. – 208 с.
4. Есенин, С. А. Собрание сочинений [Текст] : в 5 т. / С. А. Есенин. – М. : Художественная литература, 1966. – Т. 1 : Стихотворения и поэмы (1910–октябрь 1917). – 1966 – 415 с.; Т. 3 : Стихотворения и поэмы (1924–1925). – 1967. – 384 с.
5. Любомудров, А. М. Духовный реализм в литературе русского зарубежья: Б. К. Зайцев, И. С. Шмелев [Текст] / А. М. Любомудров. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2003. – 272 с.

CONCEPTS OF DESTINY AND WAY IN THE POETRY OF VLADIMIR VYSOTSKY

N. V. Volkova

Tver State University

The department of philology basics of publishing and literary creation

The article deals with the *Destiny* and *Way* as two basic concepts of Vysotsky's poetic philosophy.

Keywords: *concept, sphere of concepts, poetic philosophy.*

Об авторе:

ВОЛКОВА Наталья Васильевна – доцент кафедры филологических основ издательского дела и литературного творчества Тверского государственного университета (170100, Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: VolkNat@mail.ru